

Анна Лебедева

Жертвы тирании

Рассказ

Анна Лебедева
Жертвы тирании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68818803

SelfPub; 2023

Аннотация

Ох, бабоньки, достали эти мужики! Ох достали! Абыюзеры, одно слово. Самооценка у их завышенная. Надо че-то с этим делать!

Анна Лебедева

Жертвы тирании

– И главное, девки, он, гад такой, эту тарелку – шварк об стену! Она чудом в мою голову не попала! А в ней, между прочим, солянка была! С сосисками! Я потом три часа стену отмывала! А у меня, к слову, свежий ремонт! Обои – до-ро-гущие! Что и следовало доказать – мой Исаков – абьюзер! Чистопородный. И не спорьте, девочки!

Сегодня диспут вела Антонина Исакова, собственница квартиры на третьем этаже. Ее соседки удивленно ахали и охали, слушая очередную лекцию «за жизнь». Тоня вообще такая... яркая женщина, целеустремленная и боевая. Благодаря чрезвычайной начитанности по случаю отсутствия дачи и внуков, а посему – огромному количеству свободного времени, Тоня всегда была в центре внимания. Ее «девочки», самой младшей из которых было шестьдесят семь, просто боготворили Исакову и называли Тоней-Яндексом.

Антонина с утра пребывала не в духе. Битый час подружки пытались ее растормошить, но она злобно отнекивалась. А потом выдала: мол, Колька, муж, – абьюзер, и надо с ним срочно разводиться. Вот это да! В смысле – разводиться? Значение модного словечка «абьюзер» не все поняли. Вот Тоня и открыла девочкам глаза:

– Сейчас ужас, что творится! Мы, бабы, сами приделали к

самооценке наших мужиков по три нуля! Вот они и решили, что все им можно! – выступала Исакова.

– Да ты не части, не части! Толком скажи, что это слово обозначает? – взволнованно переспросила тетя Маня с пятой квартиры.

– А тебе на что? Твой абьюзер давно копыта откинул, – режумировала Тоня, – ну так-то он еще каким абьюзером был!

– Тонька, надоела уже! По-русски говори! – Клавдия Семеновна с восемнадцатой уже выходила из себя.

Тоня начала лекцию. Выяснилось, что этим страшноватым словом величают всех тиранов, которые любят подавлять волю своих жертв и паразитировать, используя чувство вины и страха.

– Вот у меня, например, сегодня, – начала она, – Исаков утром с кровати поднялся, потянулся, покряхтел и, не успев даже рожу умыть, поперся курить на балкон. А у меня на балконе, между прочим, петунии в горшках! Я ему говорю: «Коля, не кури в петунии!» А он...

– А он? – застыли девочки.

– А он пошел со своей сигаркой в туалет! И надымил там, прости господи, хоть святых выноси! Я молчать не стала, так ему и говорю: «Коля, если ты не бросишь курить, я не знаю, что с тобой сделаю, Коля!» А он...

– Что?

– Да ничо! Взглянул на меня так, как на фашиста, и глазами ворочает. Я его завтракать позвала. Солянки налила. У

меня солянка – высший сорт. Я специально бегаю в соседний микрорайон за фермерскими сосисками и копченостями. Сначала мяско варю долго-долго, потом огурчики, помидорчики, лучок обжариваю...

– Тонька! – Клавдия строго перебила рассказчицу.

– А? Ну ладно. Я ему, в общем, эту солянку в голубой тарелочке да с золотой каемочкой: «Ешь, Коленька!» А он, сволочуга, сграбастал тарелку и в комнату поволок. На табуретку – хрясь ее, телик врубил на всю катушку! А там это... это... Рен Ти Ви показывает! Врут всякую ерунду про инопланетных существ! И солянку мою жрет! И чавкает, девочки!

Я ему замечание сделала один раз, другой – ноль эмоций. Я тогда телевизор из розетки выдернула и решила точки над «и» поставить: «Кухня для еды, в комнате еды не место, Коля! От тебя одна грязь, Николай». Ну и... полетела в меня солянка. Насилие? Насилие! Что и требовалось доказать!

Подружки задумались. А ведь и правда, насилие! И не только в квартире у Антонины – практически у каждой дома жил точно такой же тиран!

Светлана Игоревна целый день не разгибала спину в огороде, а муж ее Сергей Петрович ничего не делал: просиживал штаны в сарайке. Говорил, что занимается делом, что-то там мастерит. А Светлане – что, сдохнуть на этой клятой картошке?

Клавдия Семеновна одна по магазинам бегает, тяжелые

сумки таскает с продуктами. А где в это время ее супруг Гена? А он у сыночка Гришки в гостях прохлаждается. Семёновна вечером на артрит жалуется, а Гена говорит, что она дура, могла бы сумку на колесиках приобрести и не трепать ему нервы своим нытьем! Каково!

А уж про тетю Маню и говорить нечего: всю жизнь покойный Филя ей испортил. По молодости с бутылкой не расставался, на чужих женщин поглядывал. Что там греха таить: к каждой из Маниных подружек клинья подбивал! Тиранище!

Соседки притихли на своей лавочке. Выходит, все они – жертвы абьюзеров. Маня тихонечко спросила:

– Антонина, так и что теперь? Только развод? А по-другому совсем никак?

Тоня посмотрела на забитую тетю Маню:

– Я читала в интернете, что абьюзеры никогда не изменятся! И выход из этой ситуации только один – развод!

– А жить где будешь, Тонечка?

– В квартире, ясно дело!

– А Коля?

– Пусть в гараже живет! Помните, девочки, это – самое начало войны! Потом начнется дележ имущества и детей!

– Так ведь не дал вам бог деток!

Маня начала Антонину раздражать своей непонятливостью.

– А Рыжик кто, по-твоему? Не ребенок, что ли? Костями

лягу, Рыжика моего он не получит!

Тоня развернулась и пошла домой, готовая к боевым действиям. У нее был разработан тщательный план, не оставляющий противнику никаких шансов.

Женщины остались без своего генерала-подстрекателя, одни.

– А я не могу со своим Петровичем развестись. Никакой он не лентяй. Он в прошлом году мне такие наличники на доме смастерил – конфетка. Все дачники мимо нас табунами ходят, чтобы полюбоваться на красоту. А картошка эта – пустяки. Сама, дура такая, пол-гектара насажала, для кого, спрашивается? А Петрович в сарайке теперь мне шкаф делает. Настоящий, резной, с завитушками. Нормальный у меня муж, – первая начала Светлана Игоревна.

– Да и мой Гена не просто так у Гришки пропадает. Ремонт сыну делать помогает. Вся проводка на нем! Руки у мужика золотые – отчего бы не помочь? Что теперь, бешеные деньги платить мастерам? Откуда они у ребят – второго недавно родили – надо понимать? И я, тетеха, вечно в магазине нагребу продуктов, а как их домой нести – не думаю. Сама дура, прав Гена мой.

Тетя Маня заплакала. Светлана Игоревна и Клавдия бросились Маню обнимать:

– Ну что ты, Машенька! Успокойся. Плохо было, да прошло, дурманом поросло! Живешь одна, как королевна!

– Да какой там живу! Маюсь. Филя хоть и шепутной был,

а веселый, добрый. Всем помогал! Твоего мужа, Клавдейка, помнишь, из проруби вытащил? На себе три километра пер. А для Светланы Игоревны деток какую елочку пушистую однажды из лесу принес – загляденье! Это когда Петрович в больнице лежал с переломом, помнишь? Радости у ребят было сколько!

Подружки дружно согласились с тетей Маней. И Филя совсем не был тираном и этим... абьюзером, господи прости. Вечно Тонька всех с ума сведет своими идеями. Да и какой из Кольки абьюзер. Хороший, спокойный мужик. А вот Антонине лишний раз не мешало бы и помолчать! Из-за нее, паразитки, чуть своих мужей не лишились. Как же, разводиться! Да что им, делать больше нечего?

Если бы Антонина слышала разговор соседок, то, конечно, страшно бы возмутилась и осыпала «девчонок» нелюбезными терминами, самый приличный из которых – беспомощная жертва, жалеющая своего тирана.

Но она в этот момент была крайне занята.

Антонина старалась не шуметь, открывая дверь. Вражина должен быть уже дома – строить ей какие-нибудь пакости. Сердце болело за Рыжика: абьюзеры всегда используют несчастных, незащищенных заложников, чтобы подавлять волю жертвы. Но Рыжик, упитанный, здоровый, вредный котяра, встречал хозяйку в прихожей, противно мяукая.

– Ой ты мой, сыночка, соскучился? Не кормленный, не поеный? Да мой родной! – Тоня, причитая, двинулась в кухню,

чтобы наполнить миску Рыжика свежей печенкой.

Между тем она оглядывалась по сторонам. Коли-гада дома не было. Смылся, предатель. Ну и пусть. Антонина, женщина независимая и эмансипированная, обойдется без него. Она заварила себе чайку, попутно хлопнув крышкой кастрюли, где отдыхала солянка. Так и есть – этот аспид даже не догадался поставить в холодильник суп. Ладно, ладно, пусть шляется. Может вообще домой не приходить, оборот!

Включила телевизор, открыла пирожные с намерением ничего не оставлять постылому тирану. Но аппетита не было. На улице темно, часы показывали половину двенадцатого, а Коли все не было. Беспокойство пролезло в душу холодной змейкой. Было не смешно, а в голове роились разные нехорошие мысли.

В три часа ночи Антонина уже не находила себе места. Кинулась к своему мобильному телефону – так и есть, сел. Поставила на зарядку и ахнула: пятьдесят пропущенных вызовов. Звонили с незнакомых номеров. Звонил муж...

Тоня дрожащими руками набрала номер Николая.

– Алло? – ответил незнакомый мужской голос.

– Это Антонина Исакова, ж-ж-ена.

В трубке – пауза. Тоне показалось, что она длилась целую вечность.

– Ваш супруг попал в аварию, не справился с управлением... Антонина... Антонина, вы слышите?

Тоня лежала в глубоком обмороке.

Женщины, за плечами которых большой жизненный опыт, обладают чутьем на всякие неприятности. И вообще, они все подмечают и считывают информацию с любых мелочей. Светлана Игоревна краем уха услышала от Петровича, что на третьем километре произошла авария: кувырнулся в кювет оранжевый «москвичонок». Водитель, пожилой мужчина – ранен и доставлен в больницу.

Светлана насторожилась: у Тонькиного абыюзера точно такая же машина. Она позвонила Тоне. Тишина. К ночи у Светланы Игоревны засосало под ложечкой: она чувствовала – что-то не так. Позвонила Клавдии, поделилась соображениями. Клавдия сразу все поняла и связалась с сыном. Тот нашел в компьютере нужную информацию. Так и есть – Коля психанул и рванул к озеру подальше от своей кобры. И – попал.

Телефон Тони молчал. Хорошо, что мужа соседок, отбросив ненужные эмоции, позвонили и в милицию и в скорую, и пожарных не забыли побеспокоить. Вскрыли квартиру и обнаружили Антонину, лежавшую на полу. Врачи помогли женщине прийти в себя, а уж потом все дружно отправились к Николаю в больницу.

Слава Богу, ранения были не тяжелые, совместимые с жизнью. Удачную ему операцию сделали – поправится!

Тоня носилась с сумками к Коле по несколько раз на дню.

Соседи по палате Николаю завидовали: такая хорошая бабочка досталась мужику! Антонина не знала об этом ничего, да и про развод она забыла начисто.

Если описать это научным языком всяких умных психологов, то вышло бы так: жертва была полностью подавлена абьюзером, манипулирующим несчастной через чувство вины и жалости.

—

(c) 2022 Анна Лебедева